

УДК 343.13

*М.Н. Таршева, Е.Ю. Семенов***ПРИМИРИТЕЛЬНЫЕ ПРОЦЕДУРЫ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ**

Ни для кого не секрет, что примирительные процедуры и технологии позволяют в ряде случаев успешно разрешать юридические конфликты. Сказанное в полной мере относится и к криминальным конфликтам. Отечественное уголовное и уголовно-процессуальное законодательство закрепляет нормы, регламентирующие основания и порядок прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон; речь идет о ст. 76 УК РФ, ст. 25 УПК РФ. К сожалению, приходится констатировать, что процессуальная норма (ст. 25 УПК РФ) не лишена ряда неточностей и недоработок. Среди недостатков отечественной компромиссной уголовно-процессуальной конструкции следует обозначить: отсутствие соответствующей формализации и регламентации действий участников уголовно-правового конфликта по примирению и заглаживанию преступного вреда, в том числе с помощью посредника, обязанности следователя (дознателя) разъяснять возможности рассматриваемых процессуальных механизмов (оснований, условий и возможных юридических последствий). Указанные пробелы и недоработки в совокупности с незаинтересованностью правоприменителей в альтернативном подходе реагирования на преступление (в том числе небольшой и средней степени тяжести) существенно снижают правозащитный потенциал современной отечественной уголовной политики. Очевидно, что такое положение вещей не может оставаться неизменным. В статье исследуются современные подходы ученых по данному вопросу. Кроме того, дается анализ современному состоянию вопроса, касающегося внедрения примирительной посреднической процедуры в уголовный процесс.

Ключевые слова: компромисс в уголовном процессе, прекращение уголовного дела по нереабилитирующим основаниям, примирительные процедуры, медиация.

DOI: 10.35634/2412-9593-2024-34-3-540-545

В отечественной и мировой практике уголовной юстиции к концу XX века сформировалась система взглядов, представляющая отличный от традиционного подход к урегулированию уголовно-правового конфликта. Характерной чертой данного подхода, который именуется альтернативным, а в зарубежной практике – восстановительным, является необходимость достижения соглашения между сторонами конфликта. В первую очередь речь идет о потерпевшем и лице, совершившем противоправное деяние. Кроме того, такой компромисс достигается между органами предварительного расследования и подозреваемым (обвиняемым) в совершении преступного деяния. Так как компромисс – есть не что иное, как соглашение, достигаемое на основе взаимных уступок, следует внести ясность о каких же уступках идет речь.

Отечественное процессуальное законодательство закрепляет нормы, в частности ст. 25, 25.1, 28, 28.1 УПК РФ, позволяющие компромиссным способом разрешать криминальные конфликты. Такой способ разрешения уголовно-правовых конфликтов являет, по сути своей, соглашение, достигаемое между сторонами защиты и обвинения: выполнение подозреваемым (обвиняемым) условий корреспондирующих статей УК РФ и УПК РФ, связанных с совершением соответствующих позитивных постпреступных действий, направленных на восстановление нарушенных правоотношений посредством возмещения вреда, причиненного преступлением, может повлечь (применительно ко ст. 28.1 УПК РФ – влечет) за собой принятие решения о прекращении уголовного дела или уголовного преследования. Стоит оговориться, что указанные правовые последствия распространяются на лиц, не имеющих неснятой или непогашенной судимости, подозреваемых (обвиняемых) в совершении преступлений небольшой или средней тяжести (тяжкие – по преступлениям в сфере экономической деятельности, ст. 28.1 УПК РФ).

В таком компромиссе, очевидно, заинтересованы как потерпевшие и подозреваемые (обвиняемые) по делу, так общество и государство в целом, в том числе, это касается должностных лиц органов предварительного расследования. Подозреваемый, обвиняемый, совершающий позитивные постпреступные действия, как минимум, не оспаривает своей причастности в инкриминируемом ему преступлении, а зачастую, – способствует раскрытию и расследованию преступления, тем самым, уменьшая временные, материальные и иные затраты на производство по конкретному уголовному делу.

Что же касается интересов потерпевшей стороны, они, как правило, устремлены к материальной стороне вопроса, а именно к возмещению вреда, причиненного преступлением. В условиях отсутствия компенсационных фондов по возмещению потерпевшим вреда, причиненного преступлением, ценность таких конструкций очевидна.

Законодатель предусмотрел возможность принятия решения об освобождении от уголовной ответственности (прекращении уголовного дела или уголовного преследования) либо отказа от официальной реакции на факт совершения преступного деяния (осуществления уголовного преследования) в отношении подозреваемого (обвиняемого) в обмен на позитивные постпреступные действия последнего, выражающиеся, в том числе в достижении примирения с потерпевшим по уголовному делу и заглаживании вреда.

Ради справедливости стоит отметить, что «потребность в мирном сосуществовании всех членов общины способствовала возникновению и развитию примирительных идей и практик разрешения уголовно-правовых конфликтов [1, с. 18] еще в глубокой древности. Это касается в равной мере отечественной и зарубежной истории, поэтому мы говорим о формировании системы взглядов, оформившейся и подкрепленной многочисленными криминологическими и социологическими исследованиями [2].

К первым уголовно-процессуальным источникам Древней Руси, закреплявшим примирительные порядки разрешения криминальных конфликтов, ученые относят: Русскую Правду [3, с. 61], Двинскую уставную грамоту (1397–1398 гг.) [4, с. 181], Псковскую судную грамоту (1397 г.) [5, с. 339], Судебники 1497 и 1550 гг. [6, с. 55, 61], Соборное уложение 1649 г. [7, с. 116]. По сути, положения данных памятников русского права закрепляли две формы примирения тяжущихся сторон: самостоятельную и посредническую (с участием третьего лица).

Нельзя не заметить, что многие ученые, занимающиеся изучением нетрадиционных подходов борьбы с преступностью, стараются их разграничить. Л.М. Карнозова указывает на то, что восстановительный и альтернативный подходы имеют разные цели и основание. Основная цель, лежащая в основе альтернативного подхода реагирования на преступность, заключается в экономии уголовной репрессии ради достижения более значимых целей, например, раскрытия преступлений, совершенных в составах организованных преступных групп и представляющих большую степень общественной опасности. То есть ученый пишет о стимулировании самоизобличающей и изобличающей в отношении «подельников» деятельности подозреваемого (обвиняемого) (например, гл. 40.1 УПК РФ). Что же касается восстановительного подхода к разрешению уголовно-правовых конфликтов, то цель его, указывает автор, – исцелить «жертву» и «правонарушителя»: восстановить справедливость посредством осознания и раскаяния в содеянном со стороны «правонарушителя», принесения извинений и осуществления возмещения причиненного вреда; реанимировать общественные отношения таким образом, чтобы насилие больше никогда не повторялось и т. д. [8, с. 97-116]. Полагаем, что отечественный законодатель, закрепляя институт прекращения уголовного дела (уголовного преследования) по нереабилитирующим основаниям, смог аккумулировать в нем лучшее из двух обозначенных подходов так, что каждый из участников уголовно-правового конфликта может выбрать для себя наиболее приемлемый способ его разрешения, с одной стороны, и, встав на «путь исправления», снизить степень общественной опасности содеянного, с другой.

С момента принятия современного отечественного уголовно-процессуального законодательства (2001 г.), норма, закрепляющая основание прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон (ст. 25 Уголовно-процессуального Кодекса Российской Федерации – далее УПК РФ¹), не претерпела каких-либо изменений. Казалось бы, такое положение вещей можно было бы объяснить совершенством процессуального «примирительного» механизма. Однако большинство исследователей, занимающихся вопросами примирения в уголовном процессе, отмечают несовершенство рассматриваемой законодательной конструкции. Например, Н.Н. Апостолова [9, с. 14], Э.С. Каминский [10] считают, что не лишним было бы наделить прокурора соответствующими полномочиями по прекращению уголовного дела на основании достигнутого примирения между сторонами. Другие ученые [11] считают, что норма должна носить императивный, а не дискреционный характер.

Мы считаем, что процессуальный ресурс, регламентирующий вопросы примирения в уголовном процессе, не достаточен, что не способствует реализации правозащитного потенциала, заложен-

¹ «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 22.04.2024) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 06.05.2024 г.).

ного законодателем в ст. 25 УПК РФ и ст. 76 УК РФ. Связано это с тем, что в настоящий момент действующее процессуальное законодательство не закрепляет регламент действий участников уголовно-правового конфликта по примирению сторон и возмещению преступного вреда, несмотря на то, что их совершение обеспечивает выполнение обязательных условий позитивного посткриминального поведения подозреваемого (обвиняемого).

Таким образом, говорить о существовании примирительных процедур в отечественном уголовном процессе нельзя; основными признаками процедуры являются формализованность и регламентированность последовательности действий. Можно заключить, что в отечественной уголовной юстиции процесс примирения сторон пущен на самотек; неясно как должен происходить процесс примирения сторон, кто в нем должен и может участвовать, как следует фиксировать факт достигнутого примирения и др. К тому же должностные лица органов предварительного расследования не обязаны разъяснять закрепленные в законе компромиссные основания прекращения уголовного дела (уголовного преследования) и условия их наступления («примирение сторон», что такое «заглаживание вреда», «возмещение ущерба иным образом и пр.»). К чему это приводит? Как следствие, потерпевший и подозреваемый (обвиняемый), будучи не осведомленными, лишены возможности осознанного выбора наиболее приемлемого способа разрешения уголовно-правового конфликта. Зачастую участники уголовно-правового конфликта даже и не подозревают, что они могут влиять на исход дела, в том числе посредством достижения примирения сторон.

В научных кругах давно обсуждается вопрос имплементации посреднической примирительной процедуры (медиации) в отечественный уголовный процесс. Очевидно, что сторонам уголовно-правового конфликта не всегда легко перейти к диалогу после произошедшего. В международной практике уголовной юстиции особую популярность имеет процедура медиации по уголовным делам о преступлениях, не представляющим большой степени общественной опасности, затрагивающим частные интересы.

Несмотря на то, что ООН и Советом Европы подчеркивается значимость (в том числе в официальных источниках) и необходимость имплементации института медиации в законодательство стран-членов, к которым относится Российская Федерация, тем не менее, позиция ученых-процессуалистов и практиков неоднозначная и настороженная.

Данная настороженность обуславливается:

- сложностями, которые могли бы возникнуть при решении вопроса о финансировании процедуры медиации (кто будет за это платить?);
- выводом о неготовности российского общества к подобному рода нововведениям; представляется, что в отечественном правосознании преобладает желание наказать преступника, а не достигнуть компромисса;
- недостаточностью обоснованности тезиса об успешности медиации в уголовно-процессуальной сфере;
- достаточностью правовых норм и институтов отечественного уголовного судопроизводства, являющихся альтернативой уголовному преследованию;
- невозможностью имплементации норм о внедрении института медиации в отечественную ткань материального и процессуального права.

Сущность посреднической примирительной процедуры (медиации) в уголовном судопроизводстве заключается в разрешении уголовно-правового конфликта между сторонами (жертвой преступления и лицом, совершившим преступление) при участии независимого посредника (медиатора), посредством достижения медиативного соглашения в целях восстановления нарушенного порядка и прав потерпевшей стороны. В ряде стран к процедуре медиации допускаются третьи лица, например, родители, опекуны, адвокаты и прочие лица, с согласия сторон. При этом, медиация возможна как в качестве дополнения к уголовному процессу, так и в качестве альтернативы ему, как в рамках доследственной проверки, так и на стадии предварительного расследования, на стадии судебного разбирательства, и на стадии отбывания наказания. Результатом медиации, при достижении медиативного соглашения, могут являться как отказ от уголовного преследования, а также смягчение наказания и учет наличия соглашения при назначении наказания, исполнении наказания. В США, в штате Северная Каролина, медиация, к примеру, является альтернативой судебному разбирательству [12]. Сторонники медиации отдают приоритет частным интересам и указывают на необходимость:

– приоритета интересов (частных) и учета позиции потерпевшей стороны, в том числе возможности активно участвовать в разрешении уголовно-правового конфликта и непосредственно влиять на исход дела;

– разрешения уголовно-правового спора в кратчайшие сроки, следовательно, и максимально быстрое восстановление нарушенных прав;

– вовлечения сторон в процесс диалога для преследования целей предупреждения повторной виктимизации потерпевшей стороны, для осознания переживаний потерпевшего стороной, виновной в совершении преступления и наступлении соответствующих последствий и для принесения извинений, возмещения причиненного ущерба;

– принятия мер, направленных на снижение нагрузки органов уголовной юстиции; снижение материальных затрат (на производство по уголовному делу, на содержание осужденных к реальному отбыванию наказания в местах лишения свободы) и сроков при расследовании уголовных дел, положительный международный опыт внедрения и функционирования медиации и возможность его учета.

– развития чувства ответственности у стороны, совершившей преступление, раскаяния, достижения возможного исправления и социализации; предупреждения рецидива в будущем².

Теоретически, медиативные процедуры вступают в противоречие с ожидаемой карательной реакцией государства на преступление, на практике же карательный подход (привлечение к уголовной ответственности и назначение наказания) не исправляет, не перевоспитывает и не предупреждает от совершения преступлений в будущем. Зачастую, такой подход приводит к стигматизации, утрате устойчивых социальных связей с законопослушными гражданами из близкого круга общения, а также к рецидиву преступлений. Очевидно, что посреднические примирительные процедуры обладают несомненным потенциалом. Зарубежный опыт их внедрения в практику уголовной юстиции достаточно убедительно это доказывает.

Из собственной следственной практики позволим себе отметить, что большая часть лиц (80 %), привлекаемых к уголовной ответственности, совершали преступления в прошлом, либо имели судимость. И на вопросы о мотивах и причинах совершенных преступлений сетовали на отсутствие средств к существованию, в том числе и по причине невозможности трудоустроиться из-за судимости, в том числе погашенной. Анализируя данные о личности, также можно констатировать, что указанная процентная доля устойчивых социальных связей не имела.

31 октября 2019 года Пленумом Верховного Суда Российской Федерации своим Постановлением утвердил регламент проведения судебного примирения, регулирующий порядок проведения судебного примирения между сторонами в гражданском, арбитражном и административном процессах. В роли судебного примирителя выступает судья в отставке. Представляется возможным расширение полномочий судебных примирителей – медиаторов на сферу уголовно-процессуальных правоотношений.

В зарубежных странах медиация рассматривается также как способ отказа от уголовного преследования в силу нецелесообразности. Данный опыт заслуживает внимания, ввиду немалой доли уголовных дел, по которым производство предварительного расследования и осуществления уголовного преследования является нецелесообразным.

Полагаем, что заслуживает внимания модель условного отказа от уголовного преследования (как результат достижения соглашения в ходе медиации) с временным приостановлением уголовного преследования, а по прошествии времени, при условии исправления виновного и выполнении условий соглашения – с возможностью прекращения производства по уголовному делу. При этом представляется, что необходимо рассмотреть вопрос о расширении категории уголовных дел и частных начал в уголовном процессе, по которым потерпевший сможет повлиять на исход дела. Позволим себе не согласиться с доводом о карательном настрое российского общества и неготовностью к разрешению уголовно-правовых споров посредством переговоров. Как правило, в большинстве случаев, потерпевшую сторону абсолютно не интересует ни дальнейшая судьба виновного лица, а порой и ни исход дела, но всегда интересует вопрос возмещения ущерба (из опыта собственной следственной практики, в том числе по тяжким преступлениям).

² Рекомендация № R (99) 19, принятая Комитетом министров Совета Европы 15 сентября 1999 года, подготовлена Комитетом экспертов по медиации в уголовных делах, учрежденным Европейским комитетом по проблемам преступности (CDPC). URL: http://mediators.ru/rus/about_mediation/international_law/eu_council_1 (дата обращения: 20.04.2024).

Аргумент о достаточности отечественных процессуальных институтов, которые являются альтернативными уголовному преследованию, полагаем, не совсем обоснован. Среди недостатков отечественных компромиссных конструкций следует обозначить: отсутствие соответствующей формализации и регламентации действий участников уголовно-правового конфликта по примирению и возмещению преступного вреда, в том числе с помощью посредника, обязанности следователя (дознателя) разъяснять возможности рассматриваемых уголовно-процессуальных механизмов (оснований, условий и возможных юридических последствий). Указанные пробелы и недоработки в совокупности с незаинтересованностью правоприменителей в альтернативном подходе реагирования на преступление (в том числе небольшой и средней степени тяжести) существенно снижают правозащитный потенциал современного процессуального законодательства, а также отечественной уголовной политики.

В настоящее время становится очевидным, что современная политическая, экономическая и социальная ситуации требуют внедрения в уголовный процесс новых эффективных моделей досудебного разрешения уголовно-правового конфликта на компромиссной основе. В условиях процессуальной экономии должна быть обеспечена возможность восстановления прав и свобод потерпевших от преступлений в максимально короткий срок при одновременном исправительном воздействии на лицо, совершившее преступление.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Таршева М.Н. Примирительные и восстановительные процедуры в досудебном производстве: дис. ... канд. юрид. наук. Орел. 214 с.
2. Кури Х., Ильченко О.Ю. Эффективность наказания: результаты международных исследований // Актуальные проблемы экономики и права. 2013. № 2. С. 240–256.
3. Древнерусское государство и право. Учебное пособие / Кутыгина Г.А., Новицкая Т.Е., Семидеркин Н.А., Четвертков А.М.; Под ред.: Новицкая Т.Е. М.: Зерцало, 1998. 96 с.
4. Российское законодательство X-XX веков. В 9 т. Т. 2 / Под ред. А.Н. Насонова, Л.В. Черепкина, А.А. Зимина. М., 1984. 430 с.
5. Российское законодательство X-XX веков. В 9 т. Т. 2 / Под ред. В.Л. Янина. М., 1984. 432 с.
6. Российское законодательство X - XX веков: Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. В 9-ти томах Т. 2 / Отв. ред.: А.Д. Горский; Под общ. ред.: О.И. Чистякова. М.: Юрид. лит., 1985. 520 с.
7. Российское законодательство X-XX веков: Акты Земских соборов. В 9 т. Т. 3 / Отв. ред.: Маньков А.Г. Под общ. ред. О.И. Чистякова. М., 1985. 512 с.
8. Карнозова Л.М. Введение в восстановительное правосудие (медиация в ответ на преступление): монография. М., 2016. 264 с.
9. Апостолова Н.Н. Целесообразность (дискреционность) в российском уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 2010. 369 с.
10. Каминский Э.С. О необходимости прекращения уголовного преследования в досудебном производстве // Мировой судья. 2021. № 4. С. 13-15.
11. Солонина С.Ю. К вопросу о допустимости существования дискреционных оснований прекращения уголовного преследования в отношении несовершеннолетних // Молодой ученый. 2015. № 10 (90). С. 931- 934.
12. Василенко А.С. Медиация в уголовном процессе США // Вестник Пермского университета. Юридические науки. Вып. 2, апрель-июнь 2012 г. URL: www.jurvestnik.psu.ru/index.php/vypusk-2162012/19-2010-12-01-13-31-58/-2-16-2012/462-vasilenko-as-mediaczija-v-ugolovnom-proczesse-ssha (дата обращения: 15.03.2020 г.).

Поступила в редакцию 18.03.2024

Таршева Мира Николаевна, кандидат юридических наук,
преподаватель кафедры информационных технологий в деятельности ОВД
E-mail: mirra_2023@internet.ru

Семенов Евгений Юрьевич, кандидат юридических наук, доцент,
профессор кафедры информационных технологий в деятельности ОВД

ФГКОУ ВО «Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова»
302027, Россия, г. Орел, ул. Игнатова, 2

M.N. Tarsheva, E.Yu. Semenov

CONCILIATION PROCEDURES IN DOMESTIC CRIMINAL PROCEEDINGS

DOI: 10.35634/2412-9593-2024-34-3-540-545

It's no secret that conciliation procedures and technologies make it possible in some cases to successfully resolve legal conflicts. The above is fully applicable to criminal conflicts. Domestic criminal and criminal procedural legislation establishes norms regulating the grounds and procedure for terminating a criminal case in connection with the reconciliation of the parties; we are talking about Article 76 of the Criminal Code of the Russian Federation, Article 25 of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation. Unfortunately, we have to admit that the procedural norm (Article 25 of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation) is not devoid of a number of inaccuracies and deficiencies. Among the shortcomings of the domestic compromise criminal procedural structure, the following should be noted: the lack of appropriate formalization and regulation of the actions of participants in a criminal legal conflict to reconcile and make amends for criminal harm, including with the help of an intermediary; the obligation of the investigator (inquiry officer) to explain the possibilities of the procedural mechanisms under consideration (grounds, conditions and possible legal consequences). These gaps and shortcomings, coupled with the disinterest of law enforcement officials in an alternative approach to responding to crimes (including minor and moderate severity), significantly reduce the human rights potential of modern domestic criminal policy. Obviously, this state of affairs cannot remain unchanged. The article examines modern approaches of scientists on this issue. In addition, an analysis of the current state of the issue regarding the introduction of a conciliatory mediation procedure in criminal proceedings is given.

Keywords: compromise in criminal proceedings, termination of a criminal case on non-rehabilitating grounds, conciliation procedures, mediation.

Received 18.03.2024

Tarsheva M.N., Candidate of Law, Lecturer at the Department of Information Technologies
in Internal Affairs Activities

E-mail: mirra_2023@internet.ru

Semenov E.Yu., Candidate of Law, Associate Professor,

Professor of the Department of Information Technologies in Internal Affairs Activities

Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov
Ignatova st., 2, Orel, Russia, 302027